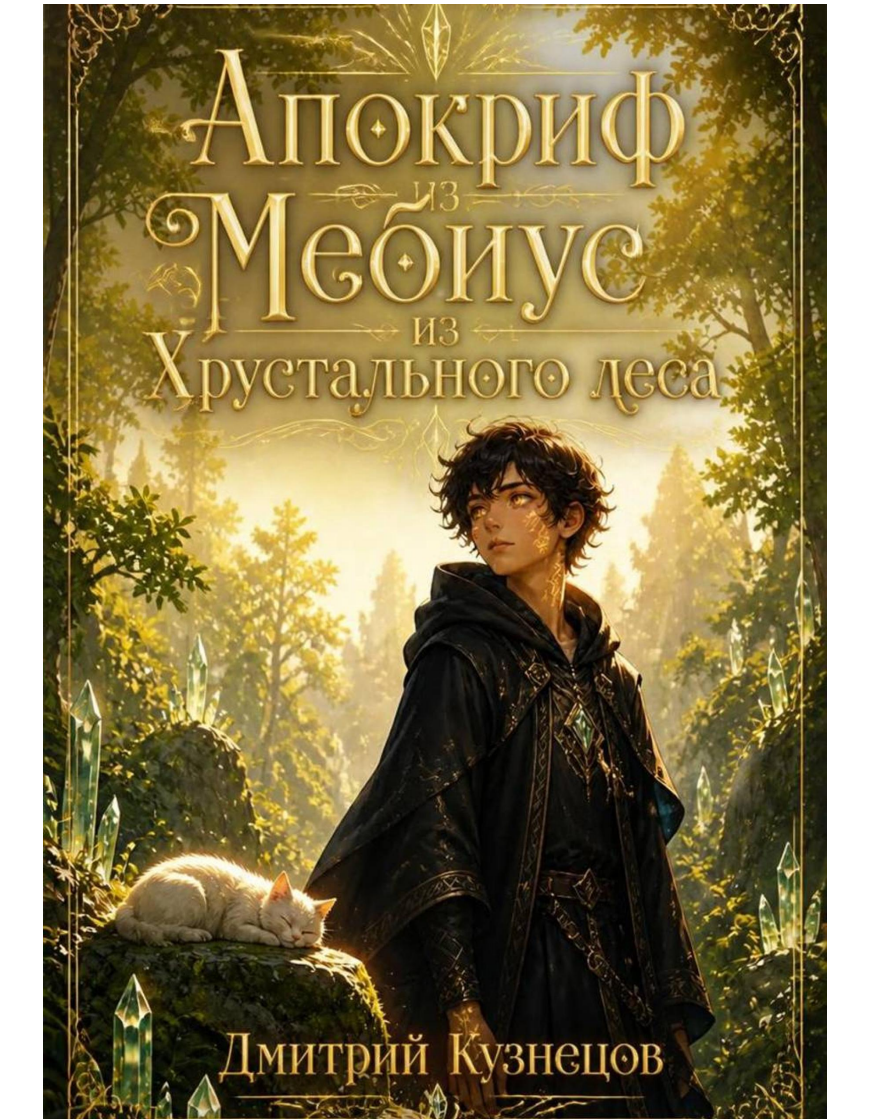

The book cover features a young man with dark, curly hair and golden markings on his face, wearing a dark, ornate cloak. He stands in a sunlit forest with large, glowing green crystals. A white cat is curled up on a mossy rock in the foreground. The title is written in a stylized, golden font at the top.

Апокриф из Мебиус из Хрустального леса

Дмитрий Кузнецов

Кузнецов Дмитрий
Апокриф: Мебиус из
Хрустального леса
Серия «Летописи Атриума
и Апокрифы», книга 3

<https://litres.ru/74383078>

SelfPub; 2026

Аннотация

История юности некогда молчаливого, безымянного и молодого друида, которого принял дом чародеев и воспитал из него цивилизованного волшебника.

Содержание

Глава I. Безымянное дитя	4
Глава II. Чужие знаки	9
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Кузнецов Дмитрий Апокриф: Мебиус из Хрустального леса

Глава I. Безымянное дитя

2134 г. От С.П. Аставир.

Хрустальный лес со времён древнего Аставира был и оставался священным лесом. Аколиты не покидали лес, а Аставирцы не входили туда на охоту. Аколиты были древнейшим народом страны света. Поговаривали, что там и есть исток магии, даже что они были на материке до Таал, до прихода Астравента и даже до Седьмого пекла. «Аколиты» не носили имён — подобно коллективному лесному разуму. Жили очень долго, цикл жизни каждого достигал пяти веков, а может, и больше. Мебиус был единственным за известные эпохи, кто вышел в мир.

Безымянный друид на окраинах Хрустального леса заметил бегущую девушку. Такой красоты за пределами своего дома он никогда раньше не видел. За ней гнались вооружённые люди, и он хотел сохранить такую красоту. Аколит вышел из леса и применил свои таланты: корни и ветви устремились к преследователям, схватили и задушили их. Так

произошёл первый случай, когда Хрустальный лес вмешался в дела за его пределами.

Таири, спасённая лесным мальчишкой, оказалась дочерью архимагов из дома волшебников Белого древа — Люри и Мидрайна Харгарденов. Молодая волшебница не знала, как реагировать на тот момент, и он не знал, как разговаривать, — он не умел.

Дом был в недоумении, что кто-то из священного леса откликнулся, вышел и оказал помощь. Мальчик из народа аколитов не хотел возвращаться, он пожелал пойти за ней. Таири была не против и привела его в Феополис. Дом магов воспринял это как знамение, как поддержку, но Мебиус был на тот момент диким, он долго учил всеобщее наречие. Другие говорили, что маги украли дитя леса и Хрустальный лес может за это отомстить, но таких было меньшинство, и их голоса не были слышны. Ингариены были известны как волшебники знамений, а их знамения говорили: юный Мебиус — это дар.

Совет архимагов того времени — Сайрус Азатум, Милиса Ингариен и Мидрайн Харгарден — последний дал немому аколиту имя Мебиус. Напористость юной Таири взяла верх. Их дом и забрал немного волшебника под опеку, а после и приютили в своём собственном доме.

Спустя пару лет обучения Мебиус начал познавать мир за пределами Хрустального леса. О короле Люмьяне I, а главное — о тех, кто хотел причинить вред Таири. Изменник

и узурпатор Митайру, лорды запада хотели свергнуть законную власть, церковь Астравента вместе с её инквизицией. Коллегия магов Аставира состояла из нескольких крупных семей уважаемых чародеев. А именно Харгарденов, Азатумов и Ингариенов. Коллегия магов страны света называлась Домом Белого Древа. Колдуны различных талантов, ремесленники и умные Аставирцы. Главное — дом полностью поддерживал правление Люмьяна I как светлое и разумное. Но главное: в те времена жил сам Епископ Ифриш, верховный настоятель Феополиса, прославляющий Пять Наречий Добродетели. Преподобный ясно видел тянущееся зло с запада — голодное и неуёмное. Люмьян I, дом волшебников и инквизиция Феополиса были заодно — против узурпатора и тех, кто хотел установить новый порядок.

Влившись во внешний мир, Мебиус утратил связь со своим народом: те более не воспринимали его как часть леса. Они не были против его посещений, но связи, как раньше, уже не было. Однако сама суть Хрустального леса, сила и магия корня, не отвергла аколита с именем — дары долголетия и магии остались в его жилах.

Мебиус не помнил ничего с момента ухода из Хрустального леса — словно новорождённый. И влюблённый.

Он не проявлял враждебности, редко улыбался, был погружён в книги и совсем не походил на других волшебников. На коже юного волшебника были неведомые знаки — никому непонятная клинопись. Мебиус и сам не понимал, что

эти знаки означают.

Друид обучался колдовству, истории и даже искусствам мастера. Цитадель Белого дерева приняла его как необычный дар. Над ним частенько подшучивали — и Харгардены, и Азатумские ученики огня. Ингариенов было немного, а детям дома мастеров Аколит и вовсе казался чем-то занятным.

Архимейстер Итриль и Архимаг Мидрайн совещались о нём без лишних ушей и глаз.

Итриль: Господин Харгарден, у этого дитя не всё в порядке с психикой!

Мидрайн: Что за чепуха? Он вышел из Хрустального леса, словно новорождённый, — разумеется, его ум ещё молод. Хоть ему с виду и лет пятнадцать, а на самом деле, судя по календарю Агоро, — около тридцати. Или пятидесяти... Их народ не контактирует с внешним миром. По крайней мере, в записях ваших предшественников о таком не упоминалось.

Итриль: Верно. А потому мы и понятия не имеем, чего ждать от такого явления. Чума тоже приходит внезапно и пожирает жизнь. Он опасен, скрытен, непредсказуем. Настоящий лесной демон.

Мидрайн: При всём уважении, великий мастер... Но этот демон, как вы выразились, спас мою дочь и наказал похитителей. Никакой чумы и напастей он с собой не принёс. Хрустальный лес — священное место. Мебиус — это дар! Для нас.

Итриль: И как часто до этого безымянный народ выказывал подобную щедрость? Что за письмена на его коже? Знаете?

Мидрайн: Нет.

Итриль: Нет?

Мидрайн: Нет!

Итриль: Поймите меня правильно, архимаг. Наша работа — во всём сомневаться. Но эти знаки не относятся ни к какому языку вообще. Это наречие не от мира сего. Понимаете? Заклинания на его коже могут означать что угодно, вплоть до Седьмого пекла.

Мидрайн: Зачем вы демонизируете невинное дитя? Архимейстер, это безумие...

Итриль: Мейстеры цитадели видели, как он вёл себя на осмотре. Как дикий зверь.

Мидрайн: Он боялся людей. И уж тем более ему не милы синтельгарские мейстеры... Мне и самому их рожи не нравятся. Он защитил Таири, мою дочь. Остальное не важно. Конечно, он вёл себя необычно... но он быстро учится, осваивает всеобщее наречие. Мы должны кланяться Хрустальному лесу и благодарить за дар. Будь на том месте ваш ребёнок, вы бы заговорили иначе!

Итриль: Цитадель окажет ему поддержку в случае надобности.

Мидрайн: Благодарю, архимейстер.

Глава II. Чужие знаки

Однажды несколько юнцов подшучивали над ним, пока тот читал летопись о Шакайской эпохе — о пирамидах и сражениях. Один молодой маг по имени Гвингор щёлкал пальцами, вспыхивая огоньком у самого лица Мебиуса, но тот не обращал на него никакого внимания.

Остальные смеялись и ждали чего-то забавного — и дождались. Аколит перехватил его пальцы, и рука Гвингора начала покрываться корой.

Мебиус: Говорят, огонь — опасная вещь... Ты же умён... Хочешь поджечь цитадель своих предков?

Гвингор не смеялся. Ему казалось, что он сам трескается, как гнилое дерево, и вот-вот рассыплется. Наваждение прекратилось, когда Мебиус отпустил его руку. Смех стих, представление закончилось, и все оставили его в покое.

Все, кроме одной.

Таири Харгарден, дочь архимага Люри — одной из двух глав Белого древа того времени.

Таири: Не злись на них...

Мебиус: Как я могу злиться... Я даже не знаю, кто я. Но пытаюсь понять. Они знают, кто они, а я — нет. Видения ничего не говорят, книги ничего не говорят, и учителя тоже... Словно я не должен быть здесь.

Таири: Ты нужен мне. Ты же спас меня — не помнишь?

Мебиус: Семьи волшебников совсем разные... Что значит быть вами, я пока не понимаю. Я ничего не помню, кроме того луга, тебя и десятка задущенных меченосцев.

Таири: Бабушка и мама знают о том, что ты сделал. Тебе здесь рады, поверь.

Частенько он пропускал лекции и практики, исчезал на несколько дней, и чаще всего его находили в лесах, рошицах и пещерах. Дом Белого древа поначалу испытывал с ним трудности. Люри Харгарден и Сайрус Азатум порой обсуждали его будущее.

Сайрус: Он дик, непослушен, скрытен... Одного из учеников покрыл корой... Чудо, что не сломал ему руку, а то и хуже.

Люри: Сайрус, он дитя пророчества. Он посланник Хрустального леса, мы не можем отвергнуть дар священного леса.

Сайрус: Пророчества... Дары... На западе и без того что-то зреет. Люри, пойми: дары бывают разные — опасные, полезные и бесполезные. Что, если Аколиты пошутили над нами? Они никогда не выходили из своего леса, ни одного упоминания за всю историю... С чего это вдруг? Тиберий из Роншара серьёзно относился к знакам неба... Это понятно... Но когда лес исторг это дитя, никаких знаков не было. Так сказала Милиса. Что, если этот юнец — дикость леса?

Люри: Не будь глупцом. Он дитя коры и камня. Его послали к нам не просто так. Чародей камня и дерева, этот

мальчик станет великим. Народ друидов проявил щедрость к нам, к дому Белого древа.

Сайрус: Знаю, он спас Таири, это чудо... Но за ним нужен присмотр.

Люри: Как и за детьми огня, судя по всему... Пусть мальчика оставят в покое. Огонь и древо — не самое лучшее сочетание.

Сайрус: Я разберусь с новыми правилами поведения и ответственностью за подобное.

Мебиус в одном из своих побегов ушёл дальше, чем когда-либо. Видения тянули его к границам Шакай, где на голой равнине он видел образ высокой белой горы. С того момента он задавался вопросами, когда спустя неделю вернётся обратно.

И его сразу же вызвали к архимагу Сайрусу.

Сайрус: Не знаю, что ты возомнил о себе... Может, всепророком? А может, некромантом?

Мебиус: Нет, господин.

Сайрус: Ты пропустил лекции о временах моровых поветрий... Может, предскажешь всем нам, когда ждать напасти?

Мебиус: Нет, господин... Но зато я видел...

Сайрус: Никого не волнуют видения с Шакайской равнины. Там случилась катастрофа, и злить духов того места — не самая лучшая помощь стране. Знаешь, сколько там однажды сгинуло?

Мебиус: Нет, господин... Простите.

Сайрус: Полмиллиона жизней. Белых мантий, архитекторов, волшебников, некромантов и обычных жителей... Трое небожителей, а ещё — древний дракон, восставший из мёртвых. Из далёкого края, ныне позабытого. Даже такие доброжелательные волшебники, как Люри и Милиса Ингариен, идут через равнину тихо, соблюдая тишину и почтение к тем, кто однажды сражался там.

Мебиус: Я видел там высокую гору из белого камня!

Сайрус: Ты не уважаешь ни живых, ни мёртвых! Священный лес отправил тебя сюда — так научись же слушать кого-то, кроме себя... Мебиус из народа Аколитов.

Мебиус: Да, учитель.

Сайрус: Ладно. Всем уже очевидно, что ты как медведь прёшь вперёд, не думая ни о чём, кроме познаний... Тен-окткль... Да, творение Таал именно там и находилось когда-то. Я не сомневаюсь в твоих способностях, как и никто из цитадели. Думаешь, твоему народу понравится, если страна снова полыхнёт из-за непочтения предков?

Мебиус: Просто... Я не всегда управляю этим. У меня и в мыслях не было.

Сайрус: Разумеется, у тебя не было мыслей! Но было бы неплохо, чтобы они появились — помимо диких желаний.

Мебиус: Да, господин.

Сайрус: Если ещё раз сбежишь без предупреждения, я сделаю всё, чтобы тебя вернули обратно в лес. Если тебя ку-

да-то тянет — сообщи об этом заранее. Мы научили тебя всеобщему наречию, ты выбрал себе имя, Харгардены дали тебе кров... Может, стоит быть благодарнее? Наш дом стар, как пять наречий, мы верим не только в небо, в знамения, в мудрость твоего народа. Ты первый в истории Аколит, который вышел оттуда. Если хочешь что-то знать — спрашивай, а не иди вслепую туда, где может подстерегать смерть.

Мебиус: Да, господин. Благодарю вас.

Сайрус: Возвращайся к занятиям... И прошу тебя, не испытывай милосердие госпожи Люри и моё тоже. А огненных фокусов в исполнении Гвингора или других больше не будет.

Мебиус: По правде говоря, он очень хорош в искусстве пламени... Только, как это... Это слово...

Сайрус: Какое ещё слово?

Мебиус: Чест... Чистый... Часты...

Сайрус: Честолюбивый?

Мебиус: Да, оно. Оно означает превосходство одного перед другими?

Сайрус: Да. Знаю, это не хорошо и не плохо. Это тоже искусство. Если не будешь любить себя, то ты никто. Разумеется, волшебники вроде нас с тобой умеют больше, чем обычные люди. Однако если будешь любить только себя и никого больше, то начнёшь переступать через нужды других и станешь тираном. Ясно? Такое добром не заканчивается. Все мы учимся быть цивилизованными, и тебе стоит обуздать свои дикие способности.

Мебиус: Я понял, учитель.

В тот же день в поместье Харгарден, где жил молодой волшебник, случилось нечто важное.

Поздним вечером, при огоньке свечи, Мебиус пытался вырезать на эбеновой дощечке форму пирамиды. К нему потихому зашла Таири, стремясь сделать сюрприз. Магия тихого шага была её изюминкой, но Мебиус слегка испугался, когда её чуткие руки легли ему на плечи. Нож соскочил, и он поранился.

Таири извинялась и нервничала, хотела перевязать ему руку. Мебиус лишь равнодушно посмотрел на порез, который тотчас начал зарастать. Он не держал ни обиды, ни зла на неё, но в тот миг впервые улыбнулся, глядя на её волнение.

Мебиус: Это так странно. Но эта порода... Она упрямая и непокорная... была. А теперь слушает волю.

Оба молодых волшебника обратили внимание на эбеновую резьбу, на которой осталась кровь. В тот вечер они выяснили свойство тёмной древесины из глуши Тал'Эриона: эбен размягчился и стал послушнее.

Таири: Так вот как древние делали вещи из эбена... А бабушка знает об этом?

Мебиус: Эбен покоряется магии крови? Думаю, такое в цитадели не одобрят. Да и твои родители тоже.

Таири: Инквизиция на взводе в последние недели. Ищут кого-то.

Мебиус: Лучше помалкивать об этом. Спасибо тебе.

Сюрпризом, который Таири ему приготовила, был дневник синамбрийского мастера Шанда, жившего среди Таал в Анпарте как пленник.

Мебиус: Таири, ты сумасшедшая... Ты знала это?

Таири: А ты нет? Все колдуны не от мира сего... Кто-то постоянно убегает в пещеры... Хах... А ещё леса, болота?

Мебиус: Где ты взяла это? У нас будут проблемы?

Таири: Где взяла — там уже нет. Его не хватятся, не волнуйся... Таких журналов много, это не единственный экземпляр.

Глава

III

Дневник Шанда

Изучая рукопись и эскизы пленного мастера, Мебиус начал лучше понимать архитектуру сооружений. Шанд упоминал, что, пока был пленником в городе камня и акведуков, таальские жители были по большей части красноколыми, а на него почти не обращали внимания. Мастера не выпускали за пределы Анпарты и не говорили, чего от него хотят. Он ходил куда хотел, кроме храма неба — там всегда стояла стража с разукрашенными лицами, в одеяниях из шкур, перьев и странных материалов.

Стража с копьями не пускала его в тот храм, но Шанд издали видел его: сооружение походило на плато под открытым небом. Там проводился сбор малого совета правления, а раз

в год — великий совет всей таальской цивилизации.

Однажды на одной из улиц Анпарты Шанд увидел невероятную магию. Молодая семья оживила деревянную птицу: фигурка чайки замахала крыльями и полетела, слетев с рук девы. Синамбрийский мейстер видел разную магию, но подобное в Анпарте было чем-то обыденным. Шанд описал это так: маленькое дитя земли превратилось в дитя неба — с помощью магии этого народа.

Шанд порой сомневался, жив ли он вообще. Однако один из торговцев овощами, Нагдмак Таал, был с ним любезен — один из немногих в древнем городе, кто его замечал и разговаривал на всеобщем наречии. Багрововласый старик давал советы поведения и намекал, что, раз мейстер ещё жив, значит, Таал признали его полезным. Большинство белых мантий, которые сражались против их народа, немедленно отправляли в эбеновую глушь или же на постройку Теноктколя, а что с ними происходило потом, Нагдмак и сам не знал.

Тот старик был обычным торговцем с юга. У Таал, помимо Анпарты, было ещё несколько крупных городов, просто Анпарта была самым процветающим центром. Нагдмак потерял семью на западе, без вести, но не терял веры, что они найдутся живыми. Сказал, что, когда Тенокткль будет построен, её величество Каири станет всеведущей, и тогда все утраты будут возвращены.

Многие Таал в летний цикл спали под открытым небом — и сам Шанд делал так же, что со временем начал находить

великолепным.

Прошло уже почти полгода с тех пор, как меня и дюжину феопольцев схватили. Инквизиторов увели в тот же день, и я их больше не видел. А меня отпустили — в пределах этого города... Зачем я им? За мной всё время ходит высокий муж, такой же багрововласый Таал, как и многие из них. Он не отвечает на мои вопросы и не задаёт их. Думаю, тот старик прав: на западе их называют язычниками и скверной, но я вижу, насколько они разумны, добры друг к другу. Они смотрят в звёзды по вечерам, указывая на созвездия, — они тоже дают им имена, разговаривают с ними. А при свете солнца трудятся до заката, творят волшебство и необыкновенные вещи, каких на севере я никогда не видел: произведения искусства, статуи, фрески, язык, новые сооружения. Они пытаются побороть бедность, создать условия жизни для всех и каждого. И порой, будучи здесь, я думаю... Может, народы Астравента всё ещё дикари? Может, народы запада действительно прокляты — за осквернение Его рукописи? Здесь почти нет пьянства, я уже почти забыл, что такое вино и эль... Они ничего от меня не требуют и не просят, но и не выпускают из города. Зачем я им? Таал поначалу были похожи на дикарей, но... они разумнее многих, кого я знал.

Глубокой ночью, изучая дневник древнего мастера, молодой волшебник с трудом держал глаза открытыми. Он

спрятал дневник и лёг спать.

Ему приснился высокий шпиль из тёмного камня, тысячи строителей и волшебников у подножия. А на месте строительства был построен город — ибо замысел был очень грандиозен, и без города, в котором можно жить, строительство монумента было невозможно.

Когда волшебник проснулся и торопился в цитадель Белого древа, он обдумывал сон и записи Шанда. Между ними не было ничего общего, казалось бы, кроме идеи строительства символа. Едва он начал что-то понимать о Таал, как ему открылось иное: сон о строительстве чего-то иного, а ещё — знак восьми столпов на кольце неизвестного человека.

А тем временем в совете Феополиса обсуждалось нечто иное — угроза с запада.

— Все понимают, что это вопрос войны, но... — Что «но»? Это созревший мятеж. — Впервые за сколько? Пять веков? Шесть? Почему власть Синтельгарда так легко треснула? — Люмьян бежал из Синтельгарда, его спасли — это главное. Это не вопрос трусости или чести. Его застали врасплох, чудо, что он ещё жив. Сейчас это вопрос будущего! Мы должны сплотиться и сокрушить изменников любой ценой! Феополис, Кансарда, Роншар, Шуран сплотятся под единым знаменем!

Сайрус: Вы хотите, чтобы дом Белого древа поддержал поход против изменников?

— Разве вы не часть страны, архимаг Сайрус?

Сайрус: Если всё настолько серьёзно... То я сам пойду в бой, и ещё по меньшей мере двести магов. Но детей в бой не отправит никто! Не будь я Сайрусом Глубоким пламенем. Изменников постигнет пламя, страх и ужас... Если это необходимо для защиты мира.

— Кто поддерживает узурпатора? Сколько домов и лордов с ним заодно? — Сейчас это выясняется. Все вы здесь, чтобы знать об этом. На западе теперь небезопасно. Форты, валы и укрепления прямо сейчас возводятся на границе. Главные дороги будут патрулироваться, проверяться и охраняться. Инквизиция и гвардия Раггарда организуют защиту торговых путей, поиск заговорщиков в Феополисе, Измэере и на юге. Если вам что-то покажется подозрительным — не рискуйте, сообщите об этом напрямую кардиналу Крарху. Пока святая земля не очищена от изменников, никто не в безопасности. Следите за детьми, и особенно за волшебниками: ещё не хватало нам похищений.

А тем временем в цитадели Белого древа Каэриэль из семьи Ингариен показывала обращение с инструментами аксорийских мастеров. Некоторые волшебники хотели стать мастерами — находились особые умы. Мебиус впитывал и эти познания, задавая вопросы.

После той лекции Каэриэль оставила его на несколько мгновений.

Глава

IV

Лавка Шрапеля

Каэриэль: Знаю, Мебиус, твой ум очень... необычный. А потому полезный. Люри и Сайрус в курсе моей небольшой просьбы.

Мебиус: Ох... госпожа, я...

Каэриэль: Не волнуйся, ковыряться в отхожей тебя не заставят. Сходи в лавку Шрапеля: там есть кое-какие аксорийские записи и несколько инструментов. Забери их и отнеси архимейстеру Итрилю. Он ждёт уже несколько дней.

Мебиус: Несколько дней... Почему он ждёт? А что, если их там нет? Или их украли? А может, люди Шрапеля продали их и скажут, что ничего не присылали?

Каэриэль: Может так, а может и не так... Ты особенный ребёнок... Ты видишь прошлое и будущее, а может, ничего не видишь и просто шутишь... Сходи и уладь это. Забери оттуда вещи архимейстера, если они там. Может, он просто забыл отправить гонца.

Мебиус: А если узнаю, что Шрапель — вор?

Каэриэль: Тогда... лучше бы он не позволял своим рукам хватать чужое имущество. Призраки являются ко всем время от времени... Не важно, это тебя не касается. Забери или вернись с пустыми руками. Всё вроде бы просто.

Мебиус: Да, учитель.

Пока юный колдун шёл по феопольскому торговому переулку, запахи и голоса вызывали у него беспокойство. Шум толпы Мебиус очень не любил.

Монетка, выпавшая из чьих-то рук и покотившаяся по земле, заставила его дрогнуть. Он на мгновение замер, следя за её движением. Очарованный маленькой, но целеустремлённой монеткой посреди людского хаоса, он наблюдал, как она вращалась, а затем остановилась ребром под скамьёй.

Его мгновение гармонии прервал дубильщик: он не заметил Мебиуса и, торопясь, сбил его с ног.

— Эй, парень, ты что там, тараканов считаешь?

Мебиус молчаливо поднялся, отряхнулся и пошёл дальше — напрямик к лавке Шрапеля.

Когда он вошёл внутрь, то увидел нечто необычное. Человек в серой мантии схватил владельца Шрапеля и тряс его, явно угрожая или вымогая. Услышав хлопок двери, незнакомец заметил Мебиуса, молча отпустил продавца и ушёл.

Шрапель: О, Мебиус, мальчик мой, заходи.

Мебиус: Господин, что от вас хотел тот человек? Он придурок?

Шрапель: О, твоё наречие становится превосходным. Да, пожалуй, ты прав.

Шрапель нервничал, и Мебиус это чувствовал, разглядывая разные вещи в его лавке. На удивление, тот сразу же достал аксорийские инструменты.

Мебиус: Отлично, архимейстеру это нужно. С вами расплатятся на днях.

Шрапель: Ах, постой. Передай кое-что ещё от меня. Мидрайну Харгардену. Это важно.

Свиток с печатью восьми столпов — у Мебиуса пробежала радостная улыбка, когда он вживую увидел знак из видения.

Мебиус: Господин, что это?

Шрапель: Что-что? Свиток, который запечатан.

Мебиус: Знак на воске...

Шрапель: Думаю, это империя Энгай. Поторопись, будь добр. Сразу беги в цитадель.

Мебиус: Мне стоит сообщить о сером человеке?

Шрапель: Только Ингариенам, прошу тебя, только им...

По дороге обратно, через тот же рынок, он на мгновение остановился, вспомнив о катившейся монете. Вернувшись, он не нашёл её. Разочарованно развернулся — и внезапно уткнулся в высокого человека в сером одеянии, капюшоне и гладкой белой маске со странными знаками, без каких-либо прорезей для глаз, носа и рта.

Знаки, похожие на те, которыми покрыт он сам.

Загадочный тип молчаливо протянул ему монету между указательным и средним пальцами. Мебиус молчаливо взял её, а незнакомец растворился в толпе, подобно призраку.

Это был не аставирский серебряник с лицом Астравента, а иноземная золотая монета с лицом в профиль, прежде Мебиусу неведомая.

Юный колдун в тот день был счастлив — он получил очень много пищи для размышлений.

Когда Мебиус явился к архимейстеру, тот весьма удивился его добродушию.

Мебиус: Великий мейстер. Всё, как вы просили.

Итриль: Отлично. Но я ожидал тебя только завтра. Я удивлён. Признаюсь честно, я был несправедлив к тебе. Да и не только к тебе — ко многим. Порой мы слишком много думаем и слишком мало чувствуем сердцем.

Мебиус: Ничего страшного, всё пошло лишь на благо.

Итриль: А! Благо. Хорошее слово. Но было бы куда лучше, если бы им правильно пользовались. Я тут подумывал утвердить новую должность — Мастер над словом. Только вот при ком этот мастер должен находиться? При короле? Инквизиции? Церкви? Или волшебниках? Как думаешь?

Мебиус: Я... не знаю. Наверное, ни при ком...

Итриль: Я тоже так считаю. Власть имущие порой злоупотребляют своим положением в самых корыстных целях. Они толкуют о благе страны, а на самом деле действуют в интересах собственного блага. Держать равновесие непросто сейчас.

Мебиус: По-моему, вы — мастер.

Итриль: Я? Меня мало кто слушает. Старая кляча, и не более.

Мебиус: Ваши слова звучат беспристрастно, великий мейстер. Мне это куда милее городской суеты. Архимаги частенько ругали меня, когда я сбегал из Феополиса.

Итриль: Ну разумеется, ведь ты отличаешься от всех прочих. Раньше это многих смущало, и в первую очередь меня. Но прошло пару лет — и к тебе начали привыкать. А

потом и любить. Да? Знаешь, я тут подумал: раз ты так прилежно впитываешь знания Белого древа, может, тебе разнообразить свои познания о мире? Например, сходить в свободное время к епископу Ифришу. Я могу написать для тебя рекомендацию от цитадели, и тебя примут к нему в течение недели.

Мебиус: Эм... Хорошо, почему бы и нет. А можно?

Итриль: Раз архимейстер говорит, что можно, — значит можно. А что можно, порой и нужно.

Мебиус: У меня есть вопрос. Необычный. Люди в гладких белых масках, со знаками, — кто они?

Итриль: Давай-ка я достану том о необычных личностях в масках. Полистаем, я освежу память, и вместе раскроем эту тайну. Если ты, конечно, не торопишься.

Мебиус: Почту за честь, великий мейстер.

В той книге Итриль показал Мебиусу много разного: самураев Арандура в причудливых масках, древних Таал в перьевых головных уборах и металлических масках, карнавальные маски Роншара. Но также они наткнулись на то, что видел Мебиус.

Архимейстер молча посмотрел на него.

Мебиус: Похож, да.

Итриль: Ты видел кого-то похожего? В нашем городе?

Мебиус: Я не знаю, что видел. Возможно... Но знаки были другие. Маска была такая же, как здесь, без прорезей. Кто они?

Глава

V

Анам-Кара

О существах, именуемых Анам-Кара

Гравюра: фигура в сером одеянии и гладкой белой маске без прорезей; на ней — восемь лучей звезды Астравента; у ног — клубы дыма.

I. Об имени

В древнейших из дошедших до нас записей существа сии именуются «Анам Кара», что на языке первых летописцев означает «друзья души». В позднейших списках, переписанных небрежной рукой, имя исказилось до «Анан-Кара», и сокровенный смысл его стёрся, оставив переписчикам и потомкам один лишь незнакомый и оттого пугающий звук.

Мир забыл, зачем приходят эти существа. Они же помнят точное значение своего имени, как помнят всё.

II. О природе их

Во все времена полагали, что Анан-Кара существовали до нас — и даже до нашего мира. Похожи они на людей, но людьми не являются.

Намерения их неведомы. В сражениях их не замечали, крови на одеждах их не находили, оружия при них не видели. Не имеют они запаха; есть ли у них плоть — ни один мейстер не решился ни утвердить, ни опровергнуть. Способны они терять массу и обращаться в дым, а после — растворяться в

толпе или тумане, словно и не было их вовсе.

Иными словами, Анан-Кара суть живые фантомы.

III. О явлениях

Явление их — редкость, и не без причины. Замечены они бывали в часы переломов — при падении домов, узурпациях, бедствиях и всяком изломе судьбы людской.

Некоторые лишь наблюдают. Иные же записывают что-то в странные книги, такое существо, видели при правлении Тонариана Вероломного. В его руках была книга с названием Апокриф, чего-то там. Тот кто видел клялся в этом. Иногда они отдают апокрифы в руки людей, хранящие память истинную. Как они выбирают достойных, неизвестно.

IV. О масках

Маски их гладки, белы и не имеют прорезей — ни для глаз, ни для носа, ни для рта. И всё же знаки на масках различны. Они указывают на природу и принадлежность существа. Одни носят символ веры нашей — восьмиконечную звезду Астравента. Другие — знаки иные, чуждые и нам, и церкви, и волшебникам.

V. О разуме и языке

Большинство из них молчаливы и скрытны. Бывали исключительные случаи, когда те умели разговаривать на всеобщем наречии. Некоторые умники XII века, из белого легиона били себя в грудь, что это жнецы, пожирающие душу и жизнь. Так-ли это на самом деле, неизвестно. Может да, а может и нет. Архимейстер Содор в 1558г. Высказал тео-

рию, что Анан-Кара — это пришельцы с неба, иными словами небожители, звездные духи. Волшебники того времени нашли в его словах крупницу разумности.

Волшебники и мастера собирали сей том веками, и я лишь продолжаю их дело. Опирались они на эту теорию, которую и я нахожу разумной: чем старше таковое явление, тем оно разумнее, ибо существует оно подле людей и веками впитывает их — поведение, речь, сам образ.

Согласно этой теории, юные Анан-Кара безмолвны и не умеют говорить ни на каком языке. Древние же говорят свободно, ибо память их столь глубока, что вмещает мудрость всех народов мира.

VI. Об отношении к ним

Называли их по-разному: демонами, небожителями, джинами — и ещё многими именами. Среди древних людей находились слабоумные, что пытались напасть на такое существо. Анан-Кара не отвечал на это вовсе, а нападавший проходил сквозь него, как сквозь дым.

Об их враждебности не сказано ни слова.

Приписка на полях (рукою архимейстера Итриля):
«2134г. От С.П. Сначала Хрустальный лес выпустил одного своего ребёнка к нам. Это чудо!!! А теперь ещё и это. Попытка узурпации, нападение на дочь Мидрайна. Похоже, намечается что-то... Анан-Кара был замечен в Феополисе. Ду-

хи с книгой не приходят просто так».

«Сколько их всего — неизвестно и по сей день. Откуда они приходят и куда уходят потом — вопрос, на который нет ответа. И, быть может, не должно быть».

Глава

VI

Рискованные шалости

А спустя несколько дней Мебиуса и Таири вызвали в цитадель магии. К Милисе Ингариен и её младшей сестре Каэриэль.

На днях инквизиция проверяла Феополис снизу доверху на предмет измены королю. И на счастье юных волшебников, в доме Харгарденов в тот момент оказались двое уважаемых лиц. Милиса и Каэриэль первыми нашли эбеновую дощечку с кровью Мебиуса и дневник Шанда, который Таири взяла из архивариуса без спроса.

Милиса: Ну, и как это понимать? Вы два несчастья...

Каэриэль: Вы... Эх... Вы хоть соображаете, что было бы, если бы инквизиция нашла это раньше нас?

Таири: Архимейстер, это только моя вина, простите...

Каэриэль: Ну конечно. И кровь Аколита, полагаю, тоже твоя?

Мебиус: Это произошло случайно. Я поранился...

Милиса: Неужели... А может, некромантией решили заняться?

Каэриэль: Действительно... Рассказы древнего мастера о Таал в их средний цикл. Очень волшебное время... Вы согласны? Хотите, чтобы всех нас обвинили в поддержке западных изменников?

Милица: Два несчастья... Вы нарушили с десяток правил за последние дни.

Таири: Простите, мы ничего не замыслили, правда. Обе наставницы переглянулись и посмотрели на учеников.

Каэриэль: От вас просят меньшего. Ни великих свершений... А просто — быть как все! Тень с запада набирает силу, нам не нужно ещё больше проблем сейчас. Это последнее предупреждение вам обоим. Эти проделки останутся между нами... Но ещё хоть одна пакость — пеняйте на себя. Всё понятно?

Мебиус: Госпожа Люри знает об этом?

Милица: Мебиус, твоя невозмутимая голова выведет из себя кого угодно... Ах... Ладно... Считайте, вам несказанно повезло в этот раз. Лишь мы об этом знаем... Твоя мать — уважаемая чародейка не только в Феополисе, но и в Роншаре. Подставлять дом Белого древа сейчас... Эх... Надеюсь, вы оба образумитесь.

Таири: Да, госпожа, простите...

Милица: Идите.

Когда Мебиус и Таири ушли, сёстры обсудили ситуацию.

Милица: Что инквизиторы Хармонда хотели найти у

Харгарденов?

Каэриэль: Явно не деревяшку и каракули Шанда. Но всё же... Не знаю, не знаю. Надеюсь, Сайрус знает, что происходит.

Милица: Мятаж. Кто-то из Феополиса поддерживает бунт. Люмьяна хотели похитить. Сейчас проверяют всех, не только нас.

Каэриэль: Седьмое пекло... Похоже, миром всё не решится.

Милица: Лорды запада купили наёмников. Всё было стремительно: короля и его сына хотели поймать живыми. Людей Барна убили при защите его величества. Хвала небу — белую гвардию им подкупить не удалось.

Разглядывая резьбу Мебиуса на эбеновой скрижали, Каэриэль призадумалась.

Каэриэль: Может, эти два несчастья дают подсказку? Таал не убили Шанда, а он же был с запада?

Милица: Нет, с севера.

Каэриэль: Синамбриец, точно...

Милица: Северный Аставир не поддержал поход Белого легиона на Анпарту. Они отвернулись и от власти ордена, и от всех западных Нга вообще — всех, кто поддержал сожжение астравентской рукописи. Синамбрия древнее Роншара, древнее Кансарды, древнее даже Феополиса. Северяне торговали с Таал на равных, но никогда не поднимали на них руку. Думаю, это объясняет, почему Шанд выжил.

Каэриэль: Как это относится к сущему?

Милица: Не знаю, не знаю... Сайрус верит в знамения неба, но они не всегда очевидны. Порой подсказки здесь, перед глазами. Я вижу, о да... три десятка изменников хотели схватить дочь Люри. Мальчик силён, очень. Магия леса это великая сила, но управлять им очень трудно — ты и сама видишь.

Каэриэль: Дикость священного леса, что и говорить... Я присмотрю за обоими, постараюсь... Сайрусу и Люри сейчас очень тяжело, они не должны тащить всех нас сами.

Милица: Мы справимся. Узурпатора зовут Митайру, вроде бы...

Каэриэль: Ну хоть что-то. Может, Мидрайн уже пошевелит наконец пальцем ради страны... Почему Люри, Сайрус и мы горбатимся без него? Тоже мне архимаг! Куда он подевался?!

Милица: Вопрос без ответа.

Каэриэль: Я конечно всё понимаю... Но сейчас грядёт тяжёлое время, у Харгарденов должен быть архимаг. Сайрус обещал поддержку войску короля. Когда Люмьян поймёт, что мы его обманули, — у нас будут проблемы. Люди не пойдут ни за Сайрусом, ни за нами. Сколько у нас есть времени?

Милица: Около месяца, может меньше...

Каэриэль: Если Мидрайн не объявится, мы должны сдержать слово. Магистериум изберёт нового лидера.

Милиса: Харгарденам это не понравится...

Каэриэль: Люмьяну не понравится, если мы обманем его. Мы не можем предать короля. Митайру — узурпатор, он хотел схватить дочь Люри... Неужели так трудно понять?

Милиса: Ясно.

Каэриэль: Значит, мальчик умеет творить Ауж-Асэнь.

Милиса: Он Аколит, он — скрижаль, которую ещё разгадывать и разгадывать. Но эти видения вызывают у него нездоровый интерес, он видит их очень ярко... Я тоже порой вижу это. Такие видения могут привести к беде.

Каэриэль: Ты умеешь этим управлять, а ему ещё учиться и учиться. Понимать, где заканчивается реальность и начинается мечта — или ужас. Нельзя ему поводок на шею накидывать, хотя порой очень хочется. Помнишь тот случай?

Маг-пророк по имени Игвиду — очень известный волшебник, миролюбивый, но порой не в меру жадный. Порой его глаза чернели, и он начинал видеть необычные вещи, о которых затем пересказывал другим.

Дом Белого древа назвал такие пророчества Ауж-Асэнь. Поначалу это было уникальным, но пугающим явлением — когда глаза у человека становятся тёмными, как колодцы. Инквизиция задавала вопросы об одержимостях, да и феопольский епископ сомневался в благе подобного. Однако позже к этому в Аставире привыкли. Игвиду отвечал на вопросы белых мантий, указывая путь к преступникам, — даже епископ пользовался его пророчествами.

Главная опасность такого явления проявилась позже. Игвиду не стал жесток или зол, но он всё чаще пребывал в состоянии Ауж-Асэньх и всё меньше воспринимал простую реальность как должное. Его история закончилась, когда его глаза были тёмными, а сам он со счастливым лицом пытался догнать кого-то важного из своей семьи — которой на тот момент у него давно не было.

Он добежал до вершины здания трибунала и спрыгнул, пролетев милою вниз и разбившись на площади. Для Харгарденов девятнадцатого века это была трагедия и утрата, а ещё инквизиторий задавал много вопросов.

Милица: Может, идея поводка не так уж и ужасна?

Сёстры Ингариен посмотрели друг на друга. У них медленно натянулись улыбки, после чего они слегка посмеялись. У них всегда был мрачный юмор, но светлые сердца.

Заклятия, которыми владела их семья, тоже были сомнительными и мрачными — но крайне полезными. Они пытались изучать чуму, чтобы понять, как лечить болезнь, если где-то в мире происходит вспышка.

Глава

VII

Епископ Феополиса

Спустя несколько дней размышляя о словах Итриля, Мебиус отправился искать епископа. Один из знающих привёл Мебиуса в кузницу. Его трудно было чем-то удивить, но здесь он увидел кузнеца, увлечённо бьющего молотом по рас-

калённому металлу, — тот улыбался и вытирал пот с лица.

Рядом сидел белый котёнок. Он зашипел на Мебиуса. Тот остановился и взял маленький комок меха на руки.

Ифриш: Кого-то ищешь, парень?

Мебиус: Эм... Наверное, меня обманули... Знаю, это забавно выглядит... Наверное. Пожалуйста... Извините, я пойду...

Ифриш: Всё не то, чем кажется... Может, и ты не волшебник?

Мебиус: Эм... Извините?

Ифриш: Не волнуйся, Асур изменит своё мнение, наверное... Он и на меня шипел когда-то... Я ведь тоже был пришельцем в его маленьких глазках... Хах.

Мебиус: Эм, ладно... Что? А... Так... Это вы и есть? Серьёзно? Вы — епископ Ифриш?

Ифриш: Наверное, ты не такого ожидал, да? Святоши представляют магов как бородатых колдунов в длинных тёмных рясах с посохами, бросающих огонь во все стороны. А маги представляют епископов в чистых белых нарядах, объятых лучами света, напротив вычурных соборов... С проповедями «не убей, не сопротивляйся, позволь ударить себя ещё раз» — и всё в таком духе.

Мебиус: Вообще... Я слышал, что вы против насилия... Так говорят.

Ифриш: А я слышал о лесном демоне, которого исторг Хрустальный лес... Я не поверил злословиям... Я очень хотел

увидеть это чудо своими глазами.

Мебиус: Эм, простите, ваше преосвященство... Я...

Ифриш: Эй, расслабься. Садись, не стесняйся. Подумай вот о чём. Мы живём в необычном мире. Небожители существуют. И как бы нам ни хотелось думать, что они нас защищают... Как ты думаешь, кто защитит простых беззащитных людей, на которых им плевать? Тех, кто не является воином или волшебником?

Мебиус: Ну, стража городская, инквизиция, Белый легион... Нет?

Ифриш: Да. В теории должны, обязаны. А если и их рядом нет — в момент совершения злодеяния?

Мебиус: Сами себя и защитят люди, полагаю. Либо кто-то ещё... Ну, или никто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.